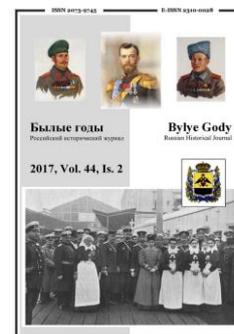

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 460-467, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.460
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:352(574.1)

Transformation of the Traditional Power of Kazakhs in the Russian Empire (on the example of the Kazakhs of the Orenburg Department)

Gulzhan K. Yermenbayeva^{a,*}, Gaukhar Z. Balgabayeva^b, Otegen I. Isenov^b, Elmira K. Nauryzbayeva^b

^a Kostanay State University A. Baitursynov, Republic of Kazakhstan

^b Kostanay State Pedagogical Institute, Republic of Kazakhstan

Abstract

On the basis of the legislation studying of 20–40th years of the XIXth century and taking into account new theoretical and methodological approaches, the issue of the traditional nomad system's transforming of the management by the Kazakhs of Orenburg administration in the first half of the XIXth century is considered in the article.

The administrative-territorial reforms provided the functioning of the new system of management. The highest stage in the system of military and administrative management by the Kazakh population belonged to Russian State administration, represented by Orenburg governor general and Orenburg boundary commission in the field. The position of the sultan-ruler was classified to the structure of the middle-level authority, distance and aul chiefs, which were represented by the Kazakh people, to the low-level.

The liquidation of Khan authority as a consequence of the consistent promotion of Russian structure of the authority in the extensive region led to a substitute of the traditional form of management by the nomads of new system of the administrative-territorial management. There were peculiar symbiosis of traditional nomad and Russian system of the political management by the society and definite merging of two heterogeneous political cultures.

Keywords: Orenburg governor general, boundary commission, traditional authority, administrative-territorial reform, Young Zhuz, khan's authority, sultan-ruler, distance, distance head, local (aul) chief.

1. Введение

По мере вовлечения казахского общества в орбиту влияния Российского государства характер взаимоотношений царского самодержавия с традиционными правящими элитами казахов трансформировался от практики абсорбирования отдельных султанов к полной отмене с конца 1860-х годов сословных привилегий всей элиты «белой кости».

В условиях формирования и укрепления суверенного государства Республики Казахстан, изучение истории, функциональной роли органов управления имеет научно-теоретическое и практическое значение. Обществом необходимо управлять на любом уровне общественного развития. Этот процесс связан с властью, с организацией отношения властвования. Создание новых дробных территориальных структур управления ставит задачи изучения не только имперской практики управления в регионе, но и поднимает новый пласт персоналий в новой истории Казахстана.

Проблема функционирования и трансформации казахского общества в первой половине XIX века актуальна и вызывает интерес у широкого круга исследователей и общественности, так как исторические реалии этого периода характеризуются кардинальными изменениями в общественно-

* Corresponding author

E-mail addresses: gulshan23@bk.ru (G.K. Yermenbayeva), balgabaeva.gauhar@mail.ru (G.Z. Balgabayeva), Utegen59@mail.ru (O.I. Isenov), elmira_kn@mail.ru (E.K. Nauryzbayeva)

политической жизни традиционного общества казахов, обусловленными воздействием официальной политики Российской империи.

2. Материалы и методы

Данное исследование строилось в соответствии с общепринятыми научными принципами исследования исторических процессов и конкретных событий – историзма, научности и объективизма. Основопологающим методом исследования является системный подход, который в состоянии рассмотреть многие вопросы исторического прошлого. Системный подход к административному строю любого государства диктует применение генетического метода, способствующего выявлению путей становления, развития и эволюции политико-административной структуры и определения ее места в общегосударственной архитектонике. При этом сочетались методы обстоятельного описания и сравнительно-исторического обобщения.

Основные исследовательские задачи, поставленные авторами, решаются на основе широкой источниковой базы. Это законодательные акты по административному управлению Казахстаном, материалы записей обычного права казахов, материалы, подготовленные Оренбургской ученой архивной комиссией, периодическая печать.

В ходе исследовательской работы неоценимую помощь оказали архивные материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). В фондах ЦГА РК почти полностью сохранилось обширное делопроизводство, содержащее сведения, характеризующие внутреннюю жизнь казахского общества данного региона.

Авторами использованы материалы государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Это материалы по сбору плакатного налога, правила для жителей, проживающих за Оренбургской линией, указы об отпуске денег на хозяйственные нужды школ для казахских детей, учрежденных при Пограничной комиссии, об отпуске командировочных расходов представителям местной власти, различные прошения купцов и т.д.

3. Обсуждения

В казахстанской историографии проблема трансформации системы местного управления является частью проблемы русско-казахских отношений и имеет длительную историю изучения. Внимание к исследованию данной проблемы стало возрастать в тот период, когда перед царским правительством встал вопрос об административном закреплении данной территории, о введении в крае российской системы управления. Изучение проводили в основном офицеры Генерального штаба, чиновники Пограничной комиссии и ученые-востоковеды И.Ф. Бларамберг (Бларамберг, 1847), Л. Мейер (Мейер, 1865), А.И. Добросмыслов (Добросмыслов, 1900-1901), В.В. Григорьев (Григорьев, 1862) и другие.

В советской историографии проблема русско-казахских отношений гармонизировалась под лозунгом «дружбы народов». Разработаны были даже такие понятия как «абсолютное», «наибольшее» и «наименьшее зло».

Особое место среди работ, посвященных истории казахов Младшего жуза, занимают труды Е.Б. Бекмаханова (Бекмаханов, 1992), С.З. Зиманова (Зиманов, 1960), С.Е. Толыбекова (Толыбеков, 1971).

Расширение концептуальных подходов, применение новых методов исследований позволили современными ученым по-иному взглянуть на сущность многих явлений традиционного казахского общества и воздействия на них политики Российского государства. Огромная доля исследований, изучавших данную проблематику под различным углом зрения, приходится на работы Ж. Касымбаева (Касымбаев, 2000), С. Машимбаева (Машимбаев, 1994), Б. Абдрахмановой (Абдрахманова, 1998).

4. Результаты

Укрепляя национальную традицию абсолютной самодержавной власти, еще в начале XVII века Романовы постепенно уничтожают все формы местного самоуправления, и впредь страна управлялась исключительно царскими представителями (Витале, 2013: 21).

В первой половине XIX века складываются необходимые предпосылки реформировать систему управления в Казахстане. Этот вопрос становится одним из важнейших в деятельности пограничных властей Оренбургского края. Автором проекта реформы стал Оренбургский генерал-губернатор П.К. Эссен. В этой связи сразу же было принято решение об отмене ханской власти. По этому поводу видный русский чиновник В.В. Григорьев писал: «Убедившись долгим и дорогим опытом в непригодности для киргизов и вредности для нас ханского ими управления, окончательно упразднили ханское достоинство» (Григорьев, 1874: 5).

В те времена ханская власть была уже ослаблена и не могла обеспечивать беспрекословное подчинение населения Казахстана России. Постоянной борьбой за власть определенные трудности в управлении и подчинении казахов, создавали многочисленные султаны, происходившие из ханского рода.

В политической истории, как правило, отмена, ликвидация тех или иных властных институтов сопровождаются конкретными актами, которые фиксируют событие, обосновывают, придают ему юридическую силу. В случае с Младшим жузом актуально «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года (далее «Устав»), «Положение об управлении Оренбургскими киргизами» 1844 года (далее «Положение»), указ «О переименовании степи зауральских киргизов, именуемых Малою Ордою, в Область оренбургских киргизов и о новом порядке управления сей областью» 1859 года.

В административной терминологии территория за Уралом, где жили казахи, называлась Зауральской ордой. Согласно так называемому степному управлению эта территория разделилась на три части – Западную, Восточную и Среднюю. Западная часть была представлена казахами из поколения Байулы, Средняя – поколением Жетыру и отчасти Алимуды, Восточная – поколением Алимуды, Кыпшаков и Аргынов. Позже территория частей для удобства управления была разделена на дистанции, а последние на аулы или местности. Каждая из частей имела следующее управление: частью управлял султан-правитель, дистанцией – дистанционный начальник, аулом или местностью – местный начальник. Высшее звено в системе военно-административного управления казахским населением принадлежало российскому государственному аппарату, представленному на местах Оренбургским генерал-губернатором и Оренбургской Пограничной комиссией.

Реформы хотя и сильно подорвали власть прежних родоуправителей и старшин, но не уничтожили ее окончательно. Родоуправители существовали практически в каждом роде, отделений и подотделений, а с образованием новых административных единиц многие из них смогли занять должности начальников. В докладной записке чиновник Н.С. Любимов отмечает: «...Принять за правило: определить в дистанционные и местные или аульные начальники не иначе как родона начальников и начальников разных отделений и подотделений киргизов» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2833. Л. 3-15). Такое замечание было основано на том, что родона начальники пользовались большим влиянием и уважением, были хорошо осведомлены о положении и состоянии местного населения. С.З. Зиманов отмечает, что наряду с утвержденной официальной властью в казахской степи существовала и неофициальная власть, причем более авторитетная, чем первая. По его мнению «... борьба между представителями официальной и частной властей составляет характерную черту рассматриваемого периода. Общее направление политического развития казахского общества было таковой, что первая постепенно брала верх над второй» (Зиманов, 1960: 215).

Все должностные лица – султаны-правители, дистанционные и местные начальники назначались военным губернатором Оренбурга. Нельзя не отказать в определенной объективности Л. Мейеру, который не скрывает своей неудовлетворенности деятельностью правительства в организации управления в степи после отмены ханской власти. По его мнению, отсутствие совета при султанах-правителях привело к их бесконтрольности, отмена выборов местной власти – к игнорированию обычаев населения и т.д. (Мейер, 1865).

В 1820–1840-х годах основной акцент в административно-политической деятельности был перенесен на тех представителей, которые проявляли "стремление верно служить" интересам российского престола и проводить цели имперской политики в жизнь. Подобная корректировка курса выразилась в соответствующем законодательстве российских властей и конкретной практике государственно-административных преобразований в пределах Среднего и Младшего жузов, ориентировавшихся на привлечение к государственной службе только определенных частей султанского сословия. В данном случае четко прослеживается то, что султаны-чингизиды, стремясь к власти, не могли сами утвердить ее над казахским обществом, так как не имели социально-политической опоры, аппарата насилия и законодательного основания своей власти (Материалы по истории политического строя Казахстана, 1960: 294). Институт султанов-правителей изначально был задуман как филиал пограничных властей, только с руководителями из местной элиты. Они были приравнены к российским чиновникам и теперь служили за вознаграждения и чины. Назначение и смещение их напрямую зависели от благосклонности к ним регионального российского начальства. Султаны-правители освобождались от налогов и различных повинностей. Им было предоставлено право взимать в пользу властей налоги. Значительные судебные-исковые дела также проходили через руки султанов-правителей и биев. Султанам-правителям было установлено жалованье.

Власть султанов-правителей подкреплялась казачьим отрядом, который следовал за ними во время кочеваний и исполнял их распоряжения. Присутствие русских вооруженных отрядов при ставках султанов было закреплено Положением 1844 года. Так, из отчета Пограничной комиссии по управлению Оренбургскими казаками известно, что в 1845 году в распоряжении султана-правителя Западной части Баймухамеда Айшуакова находился отряд из 105 казаков, у султана-правителя Средней части Арыстана Жанторина и султана-правителя Восточной части Ахмета Жанторина отряды состояли из 138 казаков (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 367. Л. 52-54).

Главными обязанностями султанов-правителей являлись «надзор за поведением киргизов, содержание их в порядке и всегдашней верности и послушании правительству; а также собрание, по возможности, вернейших сведений о народонаселении, числе кибиток и скотоводстве состоящих в их ведении киргизов, и вообще приведение в исполнение мер, какие будут предписываемы комиссией. Султаны-правители должны влиянием своим и имеющимися в их распоряжении средствами

всемерно стараться об искоренении в степи баранты и вообще всякого самоуправства» ([Материалы по истории политического строя Казахстана, 1960: 221](#)).

Несмотря на имевшее место взяточничество и поборы со стороны султанов-правителей, многие из них были людьми выдающимися по своему развитию, пониманию долга и службы. Несмотря на то, что большинство из них являлись ревностными чиновниками Пограничной комиссии, именно султаны-правители способствовали развитию школьного образования, торговли, переходу казахов к оседлому образу жизни и развитию земледелия, введению оспопрививания среди степных жителей, искоренению в степи барымты и других изживших себя обычаев.

Вопрос о власти всегда начинается с рассмотрения ее носителей. На должность султанов-правителей назначались бывшие потомки Абулхаир хана. Так, в Западной части султанами-правителями были внуки и правнуки Абулхаира: Каратай Нуралиев, Шингалий Орманов, Баймухамед Айшуаков, Мухаметкалий Тяукин. В Средней части султанами-правителями были также внуки и правнуки Абулхаира – Темир Ералиев, Медеткалий Турдалиев, Мата Мухаметкалиев, Юсуф Нуралиев, Арыстан Жанторин, Мухаметжан Баймухаметов. В Восточной части султанами-правителями были – Жума Кудаймендиев – племянник хана Каипа, Жанторе Жигангеров – внук хивинского хана Каипа, Шотай Бахтыгереев – потомок хана Аблая, Ахмет Жанторин – сын Жанторе Жигангерова, Магомет Жанторин – брат султана-правителя Ахмета Жанторина. Помощниками первых султанов-правителей были: в Западной части – Шингалий Орманов, в Средней части – Медеткалий Турдалиев, в Восточной части – Жаншуак Кудаймендиев.

К 1840-м гг. султаны-правители представляли собой реальный фактор влияния России в Младшем жузе, хотя их чингизидское происхождение, вероятность тайных контактов со сторонниками ханской власти в аульных общинах временами порождали негласное подозрение оренбургского начальства. Все же в лице высшей прослойки степного чиновничества, их близкого окружения, из числа которых комплектовался штат новых служащих для степной администрации, правительство уповало в их лице видеть верных его интересам людей ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1619. Л. 2-6](#)). Формулярные списки должностных лиц позволяют нам судить о том, как преданно они служили русскому правительству. Эти документы отражают степень участия должностных лиц во всех событиях, происходивших в казахской степи в XIX веке. Так, султан-правитель Западной части Баймухамед Айшуаков, за все время своего правления отличился хорошей службой, за что в 1832 году имел от Оренбургского военного генерал-губернатора в подарок золотой перстень с эмалью, в том же году «за усердную и ревностную службу» был награжден золотой медалью на Александровской ленте с надписью «За усердие». Венцом служебной карьеры султана-правителя явилось присвоение ему как представителю азиатской окраины довольно высокого военного чина генерал-майора ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 4](#)). В отчетах Пограничной Комиссии отмечаются султаны-правители Мухамеджан Айшуаков, Ахмет Жанторин, Арыстан Жанторин, которые «старались сколько обстоятельства Орды позволяют оказывать свое усердие, исполняя предписания пограничного начальства».

Простой народ в душе не одобрял установления нетрадиционной власти, что выражалось в больших и малых выступлениях. Так, историк Оренбургского края С. Севастьянов писал: «Несмотря на поддержку со стороны России, султаны-правители среди киргизов не имели выдающегося значения... мятежные киргизы не только не уважали власть султанов, даже просто их убивали. Как это случилось с султаном Джантюриным» ([Асипулы, 2001: 96](#)).

Царское правительство, вплотную занимаясь территориальным устройством края, в 1831 г. вводит дистанционную систему управления. Введение дистанционной системы, по мнению А.Ф. Рязанова, связано с нестабильным положением на границе: «изучив на месте систему охраны пограничной линии, полковник Генс ею крайне не доволен и нашел, что она совершенно не устраняет опасности от внезапных нападений со стороны орды» ([Идрисов, 1997: 42](#)).

В связи с принятием «Положения» 1844 года значение дистанций возрастает, как одного из основных инструментов управления местным населением. В условиях, когда количество русских укреплений в степи было еще относительно немного, дистанционные начальники становились главными проводниками имперской политики. Дистанционная система, являвшаяся одним из элементов механизма действия Российского самодержавия в оренбургской степи, совпавшая с периодом ослабления родовой системы в казахском обществе, ростом разобщенности среди родоуправителей, старшин и султанов, сыграла свою роль в процессе усиления зависимости казахского населения. Именно она позволила, несмотря на все трудности, сопутствующие введению административного деления по территориальному принципу в кочевой среде со всеми присущими особенностями номадизма, достаточно жестко контролировать на протяжении второй четверти XIX века ситуацию в казахской степи Оренбургского ведомства. Должность дистанционных начальников впервые введена в Западной части. Начальниками стали султаны и старшины У. Нуралиев, Т. Шахгазин, Б. Бутанбаев, У. Санкибаев, Е. Янмурзин, А. Исергалиев, У. Айшуаков, М. Баймурамедов, А. Сьонгалин, И. Абылов ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1614. Л. 42](#)).

Более мелкой единицей административного управления были аулы (местности), возглавляемые аульными (местными) начальниками. «Киргизы редко кочуют большим числом в одном месте, ибо стадам их тогда бывает тесно; но составляли общества из нескольких семейств,

связанных родством или взаимными выгодами... Такое подвижное селение называют они аулом» встречаем у А.И. Левшина (Левшин, 1996: 24).

Функциональные обязанности дистанционных и местных начальников в принципе совпадали, каждый выполнял свою службу на вверенной ему территории. Они должны были отслеживать поведение своих соплеменников и удерживать от всяких «неприятных поступков» против линейных жителей, ибо все являлись «поданными одного государства», а в «случае междоусобных ссор и обид» изыскивать меры к их «примирению». Но в каждом случае «неповиновения» должны были оперативно докладывать и представлять виновных пограничному начальству. Кроме того они контролировали, чтобы никто самовольно не поселился вдоль линии без их «сведений» и согласия пограничного начальства и имели право выслать своего соплеменника «...от вверенного им пространства», если он «... по каким бы то ни было причинам, не хотел или не признавал русскую власть» (Добросмыслов, 1900-1901: 493).

Аульные (местные) начальники в отличие от других должностных лиц выполняли свои обязанности не за жалованье, а за «временные выдачи в виде наград тем из них, которые будут отличаться усердием и деятельностью в исполнении своих обязанностей» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2268. Л. 134-141).

Аульные (местные) начальники постепенно превращались в главное административное звено, через которое контролировалось все происходящее в обширном крае. Такой поворот имел целью ускорить ослабление правовых функций султанов-правителей, сужение сферы административно-управленческих возможностей султанов-правителей в решении повседневных нужд кочевников. А потому с достоверностью и полнотой информацией аульных начальников увязывалось очень многое, что сдерживало или наоборот форсировало тактику действий России. Сплошь и рядом местные начальники носили звания бия. Правда, встречались среди них и старшины, но их в первой половине XIX века было мало. Бии занимали ступеньку ниже сословия султанов. После отмены ханской власти они стремились упрочить свои позиции за счет ослабления роли султанов, в особенности в политической жизни общества. Надо сказать, что они добились в этот период некоторых успехов (Зиманов, 1960: 196). Местные начальники впервые вводятся также в Западной части, в каждой дистанции было примерно по 5–6 местных начальников. Среди местных начальников можно назвать К. Карабакова, И. Чанетова, Т. Назаралиева, У. Юлгарова, Б. Асанова – в 1 дистанции; во 2-й дистанции – А. Сабаков, Т. Жанабеков, Д. Альмамбетов, И. Турдугулов, Д. Кыставов; в 3-й дистанции – Б. Калкаманов, И. Избасаров, С. Сартаев, М. Сансызбаев, Т. Аллабергенов, С. Мурзатаев (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д.1641. Л. 2-18).

Одним из первых мероприятий Оренбургской Пограничной комиссии по управлению казахами было урегулирование отношений между казахами и пограничными жителями. Так, в 1825 году Комиссия составила правила для жителей, проживающих за Оренбургской линией. В правилах содержались установки для линейных начальников, которые обязаны были не допускать воровства, пленения и хищничества с обеих сторон (ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-5).

Казахам-кочевникам издавна была свойственна территориальная общность группы расширенных общин по организации и регулированию межобщинных отношений. Функцией территориальной общности являлась регламентация экономических, а порой и неэкономических отношений целой группы расширенных общин, обусловленных общностью пастбищных угодий и совместным выпасом скота в теплое время года.

С началом правового регулирования системы землепользования и землевладения, вся прежняя система начинает испытывать большие сложности.

Султаны-правители наметили весьма условные границы своих так называемых владений, что не внесло ничего нового в земельные отношения среди основной массы кочевого населения (Толыбеков, 1971: 379). Части оказались неравномерными как по занимаемой площади, так и по количеству населения. «Устав» 1824 года и «Положение» 1844 года ограничивали самовольную перекочевку казахов с одной части в другую.

Система дистанционного управления, повлекла за собой появление трудностей, связанных с регулированием земельных отношений. Несмотря на то, что устройство дистанции осуществлялось с учетом традиционного размещения на зимовках казахских родов, в прилинейных дистанциях произошло смешение родовых групп. Территории дистанций часто оказывались разорванными, в результате образовывалась чересполосица, приводившая к помехам в управлении подведомственным населением, которое оказывалось на значительном удалении от начальства. В первой половине XIX века земельные ограничения, споры о пастбищах и водопоях, взаимные претензии приводили к невиданному расцвету барымты, приобретающей угрожающие масштабы.

Среди комплекса мероприятий социально-экономического и политического характера, осуществленных царской властью, по значимости и результативности воздействия следует выделить систему налогообложения. «Положение» 1844 года разработало новую систему сбора налогов и определило следующие их виды: «а) Плакатный сбор, по 15-ти коп. серебром в месяц, за билеты, выдаваемые киргизам, нанимающимся у линейных и внутренних жителей в работники и находящиеся вне степи в отлучке от своих жилищ. б) Сбор штрафных денег за просрочку билетов, по 30-ти коп. серебром за каждый месяц. в) Сбор с киргизов, именуемый кибиточным, по 1-му руб.

50 коп. серебром в год с каждой кибитки» ([Материалы по истории политического строя Казахстана, 1960: 91-92](#)).

Рядовое кочевое общество оказалось под двойным налогообложением – российской системы и традиционной. Если прежде различные налоговые сборы и повинности в пользу ханов и султанов носили в основном добровольный характер, были нерегулярными и незначительными, то отныне установилась жесткая фискальная зависимость всех социальных групп казахского общества от государства.

Сбор кибиточной подати с казахского населения Оренбургского ведомства был возложен на представителей местной власти и производился следующим образом: с наступлением времени сбора «... разсылаются с нарочными ко всем дистаночным и местным начальникам, печатные циркулярные предписания... с приложением нужного количества печатных тоже на двух языках квитанций и шнуровых книг для их записки...» ([Масанов, 1984: 109](#)). Сбор кибиточной подати с самого начала ее ввода производился строгими мерами: высылались карательные отряды, командировались чиновники особых поручений, неплательщиков подати заключали под стражу, отбирали скот, имущество и т.д. Устанавливался весьма жесткий контроль для выявления случаев утайки кибиток ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 437. Л. 9](#)).

Одной из сложных и обширных в деятельности местных властей была судебная функция. С введением русских административных порядков в Оренбургском крае, систематизированных «Положением» 1844 года, изменились форма устройства суда, правовые понятия о видах преступлений и мерах наказания, резко ограничилась процессуальная самостоятельность суда биев.

Фактически суды биев продолжали рассматривать большинство категорий общеуголовных преступлений, совершенных казахами. Дела от казахов в общеимперские органы поступали в очень незначительном количестве. Нередко само царское правительство обращалось к суду биев за разбирательством значительных категорий уголовных дел казахов, подлежащих к подсудности общеимперских судов. Так, при введении «Положения» 1844 года Оренбургский губернатор был вынужден учредить специальную комиссию сроком на два с половиной года для окончания 5 тыс. уголовных и гражданских дел, накопившихся в Оренбургской Пограничной комиссии. Основные категории этих дел были связаны с барымтой, грабежами и убийствами.

В своей «Записке о судебной реформе» Ч. Валиханов называет деструкцию судопроизводства «бедствием» для казахского народа: «Чтобы привить какое-либо преобразование и чтобы потом сохранить его, необходимо, чтобы реформа эта соответствовала материальным нуждам и была бы приспособлена к национальному характеру того общества, для пользы которой она принята» ([Валиханов, 1985: 95-96](#)).

Начало второй половины XIX века – время реформ в России, основная из которых, несомненно, отмена крепостного права. Не могли реформы не затронуть основ административного управления степным краем. В связи с включением всей территории Казахстана в состав Российской империи, были унифицированы ранее созданные органы административного управления краем, и выработана единая для всего населения региона система государственно-административного господства российского самодержавия в данном номадном ареале. Согласно "Временному положению об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства" вся рассматриваемая нами территория делилась на три генерал-губернаторства: Оренбургское, Западно-Сибирское и Туркестанское. Те, в свою очередь, делились на области. Территория современного Казахстана была поделена на 6 областей (Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Сырдарьинская), последние – на административные уезды, каждый уезд – на волости, а волость – на административные аулы. Губернаторством по-прежнему руководил генерал-губернатор, областью – вице-губернатор, уездом – уездный начальник. Полностью ликвидировалось влияние казахских султанов – представитель родовой верхушки мог претендовать максимум на должность младшего помощника уездного начальника. Суды биев были сохранены только на уровне аула. Выше действовали уездный и военный суды, осуществлявшие правосудие на основе общеимперских законов.

5. Заключение

Ликвидация ханской государственности вследствие последовательного утверждения в обширном крае российской структуры власти привела к замене традиционной формы правления кочевниками российской системой административно-территориального управления. Политический режим, существовавший в Младшем жузе, находился под постоянным воздействием 2-х сил: с одной стороны, он отразил исторический путь и социально-экономическое положение казахского общества, с другой, политику высших органов империи и местных властей.

Административно-территориальные реформы обеспечили функционирование новых систем управления, закрепили окончательное вхождение Казахстана в состав России и явились механизмом регулирования внутренней жизни казахского общества. Традиционное общественное устройство казахов не было застывшим устройством, в его среду проникают инновации, постепенно

трансформируясь в традиции. Казахское общество сумело сохранить национальный смысл, отнюдь не сводимый только к номадизму и традиционализму. Сторонники традиционализма порой забывают о коварном свойстве истории, что и традиции когда-то были вызывающей неприятие новацией.

Литература

Абдрахманова, 1998 – *Абдрахманова Б.* История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. 137 с.

Асипулы, 2001 – *Асипулы С.* «Танталовы муки» Степи. Исторический эссе о колонизации. Алматы, 2001. 376 с.

Бекмаханов, 1992 – *Бекмаханов Е.Б.* Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата: Казак университеті, 1992. 400 с.

Бларамберг, 1847 – Военно-статистическое обозрение. Т. 14, ч. 3. Земли Киргиз-кайсаков Оренбургского ведомства. Сост. Ген. Штаба полковник Бларамберг. СПб., 1847. 205 с.

Валиханов, 1985 – *Валиханов Ч.* Собрание сочинений в 5-ти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985. 461 с.

Витале, 2013 – *Витале А.* Российская государственность в сравнительной перспективе: русская традиция и западная модель государственного устройства // *Новейшая история России*, 2013, № 3.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

Гейнс, 1897–1898 – *Гейнс А.К.* Собрание литературных трудов. СПб., 1897–1898. 586 с.

Григорьев, 1862 – *Григорьев В.В.* Письма из Зауральской степи. М., 1862. 21 с.

Григорьев, 1874 – *Григорьев В.В.* Русская политика в отношении к Средней Азии. СПб., 1874. 5 с.

Добросмыслов, 1900–1901 – *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Вып. 1. Оренбург, 1900–1901. 524 с.

Зиманов, 1960 – *Зиманов С.З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Издательство Академии Наук КазССР, 1960. 294 с.

Идрисов, 1997 – *Идрисов Р.А.* Дистанции в степи Оренбургского ведомства: опыт территориально-административного строительства в условиях колониальной империи // *Саясат*, октябрь, 1997.

Касымбаев, 2000 – *Касымбаев Ж.К.* Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков. Алматы, 2000. 188 с.

Левшин, 1996 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

Масанов, 1984 – *Масанов Н.Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.

Материалы по истории политического строя Казахстана, 1960 – Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. 441 с.

Мәшімбаев, 1994 – *Мәшімбаев С.М.* Патшалық Ресейдің отарлық саясаты. Алматы: Санат, 1994. 136 б.

Мейер, 1865 – *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 288 с.

Толыбеков, 1971 – *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. (Политико-экономический анализ). Алма-Ата: Наука, 1971. 633 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

Abdrahmanova, 1998 – *Abdrahmanova B.* (1998). Istoriya Kazahstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustrojstvo v XIX veke. [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIX century]. Astana. 137 p. [in Russian]

Asipuly, 2001 – *Asipuly S.* (2001). «Tantalovyi muki» Stepi. Istoricheskiy esse o kolonizatsii. ["Tantalov agony" Steppe. Historical essay on colonization]. Almaty. 376 p. [in Russian]

Bekmahanov, 1992 – *Bekmahanov E.B.* (1992). Kazahstan v 20–40 gody XIX veka. [Kazakhstan in the 20–40 years of the XIX century]. Alma-Ata: Kazakh University. 400 p. [in Russian]

Blaramberg, 1847 – *Blaramberg V.* (1847). Voenno-statisticheskoe obozrenie. [Military statistical survey]. V. 14, part 3. The land of Kirghiz-Kaisaks of the Orenburg department. Comp. Gene. Staff Colonel Blaramberg. St. Petersburg, 1847. 205 p. [in Russian]

Valihanov, 1985 – *Valihanov Ch.* (1985). Sobraenie sochineniy v 5-ti tomah. [Valikhanov Ch. Collected works in 5 volumes]. V.4. Alma-Ata. 461 p. [in Russian]

Vitale, 2013 – *Vitale A.* (2013). Rossiiskaja gosudarstvennost' v sravnitel'noi perspektive: russkaja tradicija i zapadnaja model' gosudarstvennogo ustrojstva [Russian Statehood in a Comparative Perspective: the Russian Tradition and the Western Model of State-Building]. *Modern history of Russia*, №3. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State archive of the Orenburg region]

Gejns, 1897–1898 – *Gejns A.K.* (1897–1898). Sobraenie literaturnyh trudov. [Collection of literary works]. St. Petersburg. 586 p. [in Russian]

Grigor'ev, 1862 – *Grigor'ev V.V.* (1862). Pis'ma iz Zaural'skoj stepi. [Letters from the Trans-Ural steppe]. M. 21 p. [in Russian]

- [Grigor'ev, 1874](#) – *Grigor'ev V.V.* (1874). Russkaya politika v otnoshenii k Srednej Azii. [Russian policy towards Central Asia]. St. Petersburg. 5 p. [in Russian]
- [Dobrosmyslov, 1900-1901](#) – *Dobrosmyslov A.I.* (1900–1901). Turgajskaya oblast'. Istoricheskij ocherk. [Turgay region. Historical essay]. Issue. 1, 11. Orenburg. 524 p. [in Russian]
- [Zimanov, 1960](#) – *Zimanov S.Z.* (1960). Politicheskij stroj Kazahstana konca XVIII i pervoj poloviny XIX vekov. [The political structure of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX century]. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences KazSSR. 294 p. [in Russian]
- [Idrisov, 1997](#) – *Idrisov R.A.* (1997). Distancii v stepi Orenburgskogo vedomstva: opyt territorial'no-administrativnogo stroitel'stva v usloviyah kolonial'noj imperii [Distances in the steppes of the Orenburg department: the experience of territorial and administrative construction in the conditions of the colonial empire]. Policy, October. [in Russian]
- [Kasymbaev, 2000](#) – *Kasymbaev Zh.K.* (2000). General, sultan-pravitel' Bajmuhamed Ajshuakov. [General, sultan-ruler Baymuhamed Aishuakov]. Almaty. 188 p. [in Russian]
- [Levshin, 1996](#) – *Levshin A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej. [Description of Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes]. Almaty: Sanat. 656 p. [in Russian]
- [Masanov, 1984](#) – *Masanov N.Eh.* (1984). Problemy social'no-ehkonomicheskoy istorii Kazahstana na rubezhe XVIII–XIX vekov. [Problems of socio-economic history of Kazakhstan at the turn of the XVIII–XIX centuries]. Alma-Ata: Science. 176 p. [in Russian]
- [Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazahstana, 1960](#) – Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazahstana. [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata, 1960. V. 1. 441 p. [in Russian]
- [Mashimbaev, 1994](#) – *Mashimbaev S.M.* (1994). Patshalyk Resejdin otarlyk sayasaty. [The colonial policy of tsarist Russia]. Almaty: Sanat. 136 p. [In Kazakh].
- [Mejer, 1865](#) – *Mejer L.* (1865). Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva. [Kirghiz steppe of the Orenburg department]. St. Petersburg. 288 p. [in Russian]
- [Tolybekov, 1971](#) – *Tolybekov S.E.* (1971). Kochevoe obshchestvo kazahov v XVII – nachale XX veka. (Politiko-ehkonomicheskij analiz). [Nomadic society of Kazakhs in the XVII – early XX century. (Political-economic analysis)]. Alma-Ata: Science. 633 p. [in Russian]
- [CGA RK](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan. [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan]

УДК 94:352(574.1)

Трансформация традиционной власти казахов в составе Российской империи (на примере казахов Оренбургского вedomства)

Г.К. Ерменбаева^{a,*}, Г.З. Балгабаева^b, О.И. Исенов^b, Э.К. Наурызбаева^b^a Костанайский государственный университет имени А.Байтурсынова, Казахстан^b Костанайский государственный педагогический институт, Казахстан

Аннотация. На основе изучения законодательных актов 1820–1840-х гг. и с учетом новых теоретико-методологических подходов в статье рассматривается проблема трансформации традиционной номадной системы управления казахами Оренбургского вedomства в первой половине XIX века. Административно-территориальные реформы обеспечили функционирование новых систем управления. Высшее звено в системе военно-административного управления казахским населением принадлежало российскому государственному аппарату, представленному на местах Оренбургским генерал-губернатором и Оренбургской Пограничной комиссией. К структуре власти среднего уровня была отнесена должность султана-правителя, а к низовым звеньям – дистанчных и аульных начальников, занимаемых представителями казахского населения.

Ликвидация ханской власти вследствие последовательного утверждения в обширном крае российской структуры власти привела к замене традиционной формы правления кочевниками новой системой административно-территориального управления. Произошел своеобразный симбиоз традиционной номадной и российской системы политического управления социумом и определенное сращивание двух разнородных политических культур.

Ключевые слова: Оренбургский генерал-губернатор, Пограничная комиссия, традиционная власть, административно-территориальная реформа, Младший жуз, ханская власть, султан-правитель, дистанция, дистанчный начальник, местный (аульный) начальник.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gulshan23@bk.ru (Г.К. Ерменбаева), balgabaeva.gauhar@mail.ru (Г.З. Балгабаева), Utegen59@mail.ru (О.И. Исенов), elmira_kn@mail.ru (Э.К. Наурызбаева)